

к р и т и к а

Б. Пазухин

ИТАНИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТВАРН

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению темы, я хотел бы высказать несколько соображений в оправдание названия статьи, а также для уточнения значения некоторых употребленных в ней определений.

Статья представляет собой попытку проследить эволюцию религиозного миросозерцания Ельвард на примере двух этапов для поэта произведений, достаточно далеко отстоящих друг от друга по времени написания: "Простых стихов для себя и для Бога" (1976) и поэмы "О Том, кто рядом" (Из записок Ельварда) (1981).

Характер этой эволюции, на мой взгляд, лучше всего может быть выражен словом "и реобразение". Генетически очень близкие, восходящие к одному корню религиозные переживания, в этих двух произведениях обладают почти полярными характеристиками, главную суть которых я бы определил словами: "смирение" и "бунт". Причем, как в том, так и в другом случае, оба этих начала получают предельно полное выражение, выступая в чистой, обнаженной, почти символической форме.

Прежде чем пояснить, какое значение вкладывается мною в слово "титанизм", я хотел бы предложить ряд, внутри которого, как мне представляется, может находиться отцепившееся от Бога сознание: богоборчество-титанизм-демонизм.

Рассмотрим каждое из этих понятий в отдельности.

Богоборчество - предельная степень активности искания Бога, путь богоопознания, пролегающий в темноте, "наодуши", при котором друга невозможно отличить от врага. Это путь, если так можно выразиться, "иисусхристинского" обретения благодати. Он базируется на несознанном мучительном стремлении соединиться с Богом, на кажущейся неразделенности любви к Нему. Это путь Иакова-Карииля. Именно богоборчество определяется в большой степени религиозной атмосферой "Простых стихов". Но элементы его несомненно присутствуют и в поэме "О Том, кто рядом".

Титанизм - продолжение богоборчества путем его преодоления. Титанизм возникает на основе уже совершившегося осознания единства твари и Бога. Титанизм - это сознательное богоборчество. Именно созн-

и а и и о с т ь родит его с демонизмом. Но есть в природе титанизма качество, препятствующее ему смешаться со стихией демонического: беспрестанно, по мере усиления бунтарского начала, возрастающая любовь к Богу. Любовь эта принимает, подчас, форму безупречной страсти, которая, в свою очередь, служит питательной средой для бунтарства. Титаническое сознание антиномично: титаническая любовь чревата ненавистью. Это — хождение по краю пропасти. И никто не может дать гарантии, что при таком все усиливающемся резонировании внутри титанического сознания его оболочка не порвется и не произойдет слияния его с демоническим. Все это, по-моему, полностью относится к религиозному сознанию в поэме "О Том, кто рядом".

Д е м о н и з м — бессмыслицкий, бесплодный бунт, абсолютно не согретый пламенем любви, скосточенное самоутверждение "НИЧТО", объятое постоянным ужасом и "трепетом" пред губительной для него и непреодолимой силой Божества. Ужас этот нескончаем и неослабеваем, ибо для демонизма Бог всегда только чужое, с которым он никогда не сможет сливаться, а значит, никогда не обретет покоя в единственном источнике успокоения. Демонизм — воплощение постоянной бессмыслицы сущности, смертельной тоски, бесконечной тревоги.

Опасность впасть в это состояние — увы! — не абсолютно исключена для представшей перед нами в поэме "новой твери". Конечно, все три состояния не имеют раз и навсегда очерченных границ: человек может пересекать их последовательно или, в каких-то элементах, параллельно. В пограничных областях они могут, до какой-то степени, смешиваться круг с другом. Но доминирующим в религиозном сознании и определяющим эволюцию анализируемого нами религиозного мировосприятия, начальном является все-таки титанизм.

Текущесть понятий насыщается в различной степени в обоих произведениях (во втором — в значительно большей, чем в первом). Так, в поэме фактически выступают два Творца и две твери: Бог откровения и бог, сконструированный религиозным воображением; тверь, преклоняющаяся пред Богом и Тверь, исключаящая Его. Но и каждая из составляющих этих пар неоднозначна и не всегда равна сама себе. (Я попытуюсь

выразить эти модификации поочередным употреблением заглавных и строчных букв в словах: "творец", "тварь", но борьба, что мне это далеко не всегда удается).

Совершенно естественно, что при такой размытости понятий, главным структурным элементом текста, сплавляющим его разрозненные компоненты, в единое целое, является та кuchaя стихия крови. Но и она дается. Кровь и - любовь, самая глубинная суть бытия Божия, и - страсть, "прелесть", с точки зрения христианской аскетики, полярно противоположная истинной любви.

Кизицкая кровяного потока стремительно несущего, то приближая ее к Творцу, то снова удаляя от Него захваченную им тварь - вот наиболее точный образ, описываемый как движение текста во втором произведении, так и динамику духовного развития в целом.

1

В своей статье о "Простых стихах" Т.Горичева справедливо утверждает, что они написаны от имени молящейся, ликующей, захващенной твари; но сверх того, и твари богословствующей.

Я постаралась показать достоинства и профекты такого поэтического богословствования в целом, веракин и безыни, обнаруживающиеся в отрывках "Простых стихов". Поэтическое богословование ценно прежде всего свою интуитивность, ибо поэт в состоянии вдохновения, "не зная, что творит", способен иногда проникнуть в тайну. Но, перефразируя слова ап.Павла, можно сказать, что тут важно, чтобы и "занивший был как не знающий".

Поэзия - отнюдь не руль, пристрелянное по центру. Особенно, когда она направлена на религиозное. Интуитивно чувствуя это, автор "Простых стихов" не стремится привести нас в положительному религиозному знанию, в то же время точно передав "не то" Бога. Это высшее, на что, по-видимому, может претендовать наилитургическая религиозная поэзия, если она остается вне сферы художественного применения. По крайней мере, она обречена постоянно ставить себя под сомнение.

Поэзия эта, по словам Киркегора, как бы вступает в опасную игру с религией. Поэт хочет быть не оружием, а игрушкой в руках Бога. Он, — пишет Киркегор, — "позволяет себе, пусть даже несознанно, представлять Бога иным иначе, не таким, каким Бог является на самом деле". Ну, а каким же? Скорее всего, чуть-чуть антропоморфным, чуть-чуть таким же, как он сам:

Боже!
Иногда
Ты берешь меня на ладонь
И сжимаешь мне горло
Слегка —
Чтобы я посвистала
И песенку спела
для Тебя, одного Тебя.

Вот она — птичка — игрушка в руке леонардовского Христа-младенца.

А вот еще игрушка в других руках:

Господи! Верни ~~меня~~ моя игрушку.
Моя любовница — он моя игрушка,
Гуттаперчевая синяя лягушка,
Чуть толкнем — подпрыгнет, слабо покинет,
Мой-он, мой, никто его не свинет.
Он мой, мой, моя игрушка.

Не является ли игра Бога с птичкой, в сущности, спроектированной игрой птички с Богом: двойным обратным бельзюке-кортале, когда кар играет игроком? Птичка, порхавшая перед лицом Богами и просящая себе боли и грабли от Его руки. — Нет ли в этой любви чего-то слишком человеческого? Да и не слишком ли рискована эта игра? А что как и в самом деле "впадешь в руки Бога живого"? Реальность этой опасности указывает на серьезность рассматриваемого поэтически-религиозного произведения. Только дав себе отчет в ответственности этой "игры", мы можем приступить к детальному рассмотрению "Простых стихов".

Стихотворение "Молитва" начинается словами:

Прорастет сквозь череп
Рогами..

Рога - символ "чуковского диалектического"; символ пьявольского превозношения и религиозного первоизвания: "И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел 2 рога, подобные агичим, и говорил как дракон. (Откр.13,11). Антихрист - христоподобен. Молитва, действительно, спасна, ибо гордость подчас неотличима от порока веры. Иногда и глубоко религиозная личность может в силу трагической ошибки стать напитком пьявольским:

...бес-алкоголик красным зарится оком,
того и гляди выпьет все ненароком.

Тварь "Простых стихов" открыта и той и другой возможности. В сордце ее "дьявол с Богом борется". Ничтожество гордии и величие кротости - вот полюса, создающие после напряжения "Простых стихов". И как знать, является ли многоэтажная конструкция молитви плодом превозношения или этот мучительно-изломанный побег дах корень покаяния? Но отчаянный подвиг через страшную пропасть согласованности произнессаного "Ты" кажется мне "спасенья верного залогом".

Ассоциация с Тютчевым и нарочита, и случайна. "Пугливая итчица" лишь отдаленно напоминает взъерошенного ятнца, мечущегося пред лицом Божиим, и на странном нем простом итчице своем языке щебачущего и кричащего вку песнь любви, песнь дасней.

Главное, что характеризует "Простые стихи", - любовь, я бы сказал даже, - страсть к Богу. Религиозный порыв не - столько смысли, воинъ любви настолько громок, что они способны заглушить голос Отвечающего. Перед нами личность, оскривленная великой страстью. Иногда невозможно понять, где кончается любовь к Богу и где начинается любовь к страсти. Но эта последняя всегда имеет извожистскую окраинность, налет искусственного, но соблазнительного эстетизма:

Лучше б
Ты, играй со мной,
раздаши бы мне горло
Случайно.
Кто напев пренест Тебе тайный?

Если... Или Ты хочешь услышать
Свист чудесной загаденной птички?

Это не Бог христиан, пришедший "не губить, но спасать".
В нем не менее, Христос, пусть негативно, но постоянно присутствует в этом тексте.

Ведь в "Простых стихах" есть не только Творец и тварь, в них есть и посредник, или, точнее, мостоносный посредника. В этом концентрированном растворе он как бы только выкристаллизовывается.

Междур небом и мной
Василек -
Великан одноглазый
Раскачивается
Как мулла.

Поэтическая интуиция не случайно проецирует на оставшееся незаполненным в религиозном сознании место этого комариного "муллы", - василька-циклона. Это, конечно, может быть и мусульманством, но автор ведь человек сплошь библейской (а, может быть, преимущественно христианской) культуры. Да и общий настрой "Простых стихов" склонен к христианству, что мы попытаемся показать ниже.

Тварь, в рассматриваемых текстах, - это, в сущности, Иов, еще не просветленный Луком Божиим, но уже пропитанный духом христианской культуры. Она, так же, как и Иов, любит Бога, жалуется Ему, судится с Ним и не верит в возможность этого суда и вообще прямого диалога с Богом. Я не могу удержаться, чтобы не привести здесь ливийский отрывок из книги Иова: "Невинен я; не хочу знать души моей, презирю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочно-го, и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытко-во невинных посмеивается. Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ея Он закрывает. Если же Он, то кто же?"

.....
Если же я виновен, то для чего напрасно томлюсь? Хотя бы я смился и спаской водой и совершенно очистил руки мои, то и тогда Ты погрузишь меня в грязь, и возгнушаются мои одеж-ди мои. Ибо Он не человек, как я, чтобы я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним на суд! Нет между нами посредника, ко-

торый положил бы руку свою на обоих нас". /Бов.9,21-24,29-33/ Отчаянный взгляд о проречнике выражает, по-видимому, главную боль и смятение, как Бона, так и автора "Простых стихов". А ведь это слова прореческие - они говорят о Христе. Религиозный институт ^{Твори} поразительно точен, хотя иногда ей недостает религиозного знания и истинного смирения. Но главное у нее есть - искренность и простота сердца. Именно в простоте сердца ищет она "неведомого Бога".

"Простые стихи" не цитатны по отношению к библейскому тексту, и в этом огромное их достоинство, а не недостаток. Неканоническая поэзия, исповедующая Бога богословия, почти всегда - торговка в храме. Религиозность "Простых стихов" в первую очередь и состоит в том, что мы как бы неведомо ищем религиозное. Трудно представить себе что-либо более понадобнее, чем стихами перевранная Библия. Неведома искривльца цитат. Он стремится показать свое знание. Истинная же культура - не в знании, а в сокрытии его, в забвении всего, что знаешь: "Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего не знает так, как должно знать; но кто любит Бога, тому дано знание от Него." /1 Кор.8,2-3/. Именно благочеря знанию, внушенному Богом, автор "Простых стихов" находит безошибочную форму для своего поэтического богословствования: прием словесной метафоры, который почти безупречно выдерживается на протяжении, как каждого стихотворения в отдельности, так и всего корпуса текстов в целом. Их метафоричность очень тесно связана с поэтикой евангельской притчи. Не важно, что в евангельской притче действует, в основном, лицо, а в "Простых стихах" животные и вещи: птичка, синичка, волка, змеяники, котенок и т.д. Если гварь иногда выступает и без метафорической маски:

Мне двадцать восемь с половиною
Сегодня стукнуло, а так:
Была я в пятнице и тине
В мозг мой терся о наездак,
Но Бог - всегда метафора. В частности, в этом стихотворении
Бог выступает в роли своего рода врача-саллиста:
Но вот Господь висок промыл
Гупой лавящей яглов,
Вколо мне в мозг соль страшных сих

И тут рассталась я с собой.

Метафорический образ Бога монифицируется, но в пределах ограниченного спектра: Бог-самец, гедонист-эстет, пьяница, легкоумленный убийца и, наконец, просто - грешник. Все эти, на первый взгляд, страшные комунства являются в действительности чрезвычайно благочестивыми образами в метафорической структуре "поэтического богословствования". И не только поэтического. Может быть, они есть проникновение в тайную тайных всякого религиозного сознания. Может быть, здесь сопернился ответ на вопрос: почему в разных религиях имеются сквозные представления? Может быть, любое словесное выражение религиозного переживания есть лишь метафора невыразимого? (Прочем, в какой-то степени, это относится к сфере личного опыта: "Мысль изреченная есть ложь"). Но метафоричность - "о двух концах", с ней надо быть очень осторожным. Близость стилистическая приводит иногда к семантической близости, а она - лукава. Возможно, мое наблюдение очень субъективно, но мне кажется, что поэтика "Простых стихов" втянула в орбиту метафорически-религиозного поиска две евангельские притчи: "О талантах" и "О мытаре и фарисее". Разве эти стихи не звучат как поэтический аналог притчи "О талантах":

О Боже! - в кошельке плоски
Мы души губим.
Кругом меня все пятаки,
Я - рубль.
Господь! Ты купишь за меня
Уласный опыт -
Когда котеночком в зерле
Меня потопят.

Нельзя держать талант (в данном случае, себя) в кошельке (в притче - зарывать в землю). В Божьем кошельке я - самая ценная монета и, пустив меня в оборот, т.е. жестоко изгубив, Бог совершает весьма прибыльную коммерческую операцию: приобретает "уласный опыт".

Быть в этих стихах момент, ассоциирующийся с притчей "О мытаре и фарисее": открытая декларация своей премущественной ценности. Но ближе всего к этой притче такие строки:

Боже!
Благодарю Тебя -

Я не квас, не сироп,
А чистая вода
Тройной перегонки
В Твоих погребах...

Вот евангельский текст: "Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой иудея. Фарисей стал молиться в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обиженки, прелюбодеи, или как этот иудея. Покусь два раза в неделю, да в десятую часть из всего, что приобретаю. Иудея же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но ударяя себя в грудь, говорил: Боже! Будь милостив ко мне грешнику! Сказавши вам, что сей попал оправданным в дом свой более, накели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, уничтожен будет, а унижающий себя, возвысится." /Лук.18,10-14/. Так ли уж безобидно горделивое сопоставление себя с иудеями, пусть тысячу раз справедливо? Примоскль ли ты Господину своему 10 или даже 20 талантов, это едва ли повод сравнивать себя с "чужим рабом", даже приходящим с пустыми руками. Бог сам знает, с кого сколько спрашивать. А если и сравнивать свое постоянное, то с превосходящим разумение богатством Божиим. Вот - корень великого смирения, достойного великой души.

Так иногда тварь в "Простых стихах" сама удаляется от Творца, но, уверен, лишь для того, чтобы прийти к Нему. С ней происходит то же, что с героем притчи "О блудном сыне". Блудный сын постоянный тельца, заколотого для него Отцом. Тот, кто "был мертв и окин", больше сделал для отца, чем тот, кто не умирал вовсе. Уход и возвращение, страдания и любовь - большая жертва, чем формальное выполнение долга. В отношениях между отцом и младшим сыном есть тайна, недоступная сыну старшему. Старший остался, чтобы утратить, младший ушел, чтобы обрести.

Удивительно описаны переживания отца у Антония Сурожского: "Как часто стоял он на пороге, всматриваясь на дорогу, по которой сын ушел от него! Он надеялся и надеялся." //От преддверия Большого поста до Пасхи//. Но разве сын мог забыть отца! Вы думаете, что среди кутежей и блуда он не мучался немыслимой, непреходящей, необъяснимой мукой? Разве мы не можем различить в его радостях жгучего страдания? Он стра-

дал по отцу. Когда его плоть утонала в роскоши и похотях, - сердце его часто появлялось на пороге и тоже в не-проглядной дали пыталось различить любимый образ. Конечно, понадобились и нищета, и унижение, и даже изгнание из общества свиней; но это лишь содействовало раскрытию того, что было в нем в период богатства и довольства, даже раньше-еще когда он только переступал порог отцовского дома. Может быть, дурные страсти младшего сына и есть то что иное, как дурно понятая любовь к отцу? ведь в силах был объяснить сыну его самого, но не стал этого делать. Он дал ему покинуть отчий дом. Он никогда не покидал сына сам, никогда не переставал любить его, но дал ему пережить покинутость: этот "ухасший опыт" обнаружения любви. Опыт, который, с известной оговоркой, можно определить, как богоchorческий.

Страх быть покинутой Богом, стремительная попытка про-никнуть в смысл неизповедимых путей Его - вот силы, управляющие в "Простых стихах" проявлениями твари: "Локоле, доколе оставили мя!"

Ощущение потерянности, заброшенности удивительно сочетается с чувством полной сладости человеческой природы с Божественной. Это вообще одна из самых загадочных антагоний религиозного сознания: ощущение присутствия Божия одновременно и в нас и вне нас. Она удивительно точно воплощена в стихах:

Когда
Ты находишь меня
Как в дырявом кармане - синичку
И чиркаешь
Лбом, гоховой
О беленую стену собора
В странно тогда мостовой
От сполохов Твоего взора.

Но самое глубокое и странное откровение обнаруживается в этих строчках:

Но
Я - Ты,
Ты знаешь
И в роз к драконам темноты
Себя ведаешь,

Меня, моя тоску, любовь,
Пусть я - змеиный,
Но в этой темной плоти Ты
Со мною тонешь.

Не только тварь любит Бога, но и Бог любит тварь до полно-
го странного слияния с ней. Он погружает себя с тварью в
бездну "темной плоти", в бездну страдания и даже (страшно
вымолвить) в бездну греха. Конечно, грех здесь нужно пони-
мать, как я уже писал, не буквально, а метафорически. Но
эта метафора практически герметичная, скрывающая в себе хан-
куху-то ужасную тайну, может быть, тайну богосоставленности
Христа. К самому порогу этой тайны подходит автор "Простых
стихов". Но тайну нельзя созерцать непосредственно, нельзя
увидеть Бога и не умереть. Смертальную опасность прямого
контакта с Богом очень остро ощущает автор. Вот почему:

Твой огненно-прицельный взор
Проколг лась мир и занавеску,
Но в череп этот страшный лаз
Я тотчас захленил воском.

"Выход на Бога" без посредника равносителен самоубийству:

Никому себя не подарить.
Распродать бы по частям - опасно.
Все равно ведь моя с цыкотой пять.
Свету мало. Благодать ужасна.

Это отнюдь не игра словами. Ап.Павел писал: "Ибо мы Христово
благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах
смертоносный на смерть, а для других запах живительный на
жизнь. И кто способен к саму?" /2-е Кор.2.15,16/. Это - о
благовествовании. Действительно, для тех, кто извне восприни-
маает ее, "благодать ужасна". Весь для того, чтобы приспособить-
ся ей, надо умереть. Но лишь эта смерть во Христе есть нача-
ло жизни. Именно на ее дороге мы и оставляем тварь "Простых
стихов".

Прошли годы, и теперь мы видим, что, постояв на пороге
отцовского дома, тварь отошла от него, так же, как некогда
отошел от врат Оптиной пустыни великий "самоотлученец", на-

правляясь то ли неизведимой стезей спасения, то ли тонкой дорогой погибели. Бог знает!

Мы же можем только, уповая на бесконечную милость Божию, не терять надежды на то, что, несмотря на все "удаления" и "уходы", Бог, в конце концов, привлечет к себе всякую тварь, чтобы и нам присоединиться к ликующему возгласу Псаломщевца:

Всякое дыхание да хвалит Господа! /Пс.150,6/

Именно с этим упоминанием я в "страхе и трепете" приступаю к рассмотрению столь непривычного, даже пугающего или христианского сознания промывления,, каким является поэма Б.Еварц "О Том, кто рядом. /Из записок Единорога/".

II

В поэме развивается та же тема, что и в "Простых стихах" - "Я и Бог". Только в отличии от "Простых стихов", эти - можно назвать "сложными". Если "Простые стихи" богословствовали о "Боге для нас", то в "О Том, кто рядом" проявляется стремление наконец проникнуть в имманентную жизнь Божества, в "Бога в себе". Для этой поэмы характерны более мощные взлеты и глубокие прозрения, но и, соответственно, более опасные срывы, при которых глубочайшее благоговение перед Богом дульсирует почти на границе демонического трепета.

Герой - опять в маске животного, на сей раз мифологического. Тварь "простая" в "Простых стихах" здесь рассламливается и двоится. Это явление характеризует религиозное мироощущение, пронизывающее всю поэму. Если животные, упомянутые в "Простых стихах", есть только метафоры различных состояний человека, то Единорог - метафора уже состояния нечеловеческого. Может быть, Единорог - благовестник ^{x)}, а, может быть, зверь Апокалипсиса (Откр.13,11). И мы не знаем, чьего рождения становимся свидетелями, когда читаем 1-ю часть поэмы.

^{x)} В частности, в китайской мифологии Единорог - предвестник счастья.

1. Это, по крайней мере, не рождение человека. Точнее, это "второе рождение" человека. Это та же "простая тварь", но преображенная, рожденная заново, в новом качестве. Единорог рождается в момент прозрения, который совпадает с моментом прорастания рога. Рог - орудие богоизбрания (или богоубийства), во всяком случае, то, что содействует установлению связи твари и Бога. Рог протыкает "тряпку", которой укрылся Бог. Единорог "бикоподобен" именно за счет наличия рога, но за счет этого и отличен от него. Знавший Бога не нуждается в усилии, чтобы отыскать Его, а рог - это усилие. Рождение Единорога (смерть "простой твари") - это лицезрение Бога:

Нежна упала - боль и звон,
Смотрят на меня в упор
Я и Он.

И после этого возникает дерзновенная (или дерзкая) решимость:
Буду быком.

Ведь и Христос призывает нас стать богами, "богами по благодати", но есть ведь и другой призыв: "Будете как боги" (Инт. 3,5). И ап. Павел предвещает пришествие человека, который "в храме Божием сидет..., как Бог, выдавая себя за Бога." /2Лес. 2,4).

II. За рождением следует самосознание. "Игра" - необходимый элемент младенческого контакта с миром - для познания себя и Бога. Но Бог (так же, как и личность) спознается лишь как нечто трансцендентное миру, как тайна. Тайство воплощения совершило то, что Бог находится одновременно и вне и внутри нас (абсолютно трансцендентен и абсолютно имманентен). Бритвально, образ, начертанный в конце отрывка, напоминает икону "Знамение": Христос заключен в яйцевидной оболочке в груди Богоматери. Но здесь это не просто изображение, а ощущение живого Бога, реально присутствующего в человеке. Так, которым "Излито яйцо", - внутрибожественная жизнь, Дух Божий (Вот почему в дальнейшем возникает "запах тоски"). А "катание" яйца в груди - кирас, ни на мгновение не прерывающаяся связь Бога и человека. Но лицо Бога "замкнуто" внутри скорлупы. Бог в нас, но в то же время в абсолютно изолированном от нас "своем пространстве". Он не объят нами - "Свет во

тъмь светъ и тьма не объяла его." /Иоан,1,5/.

И. Если в предыдущем отрывке речь шла об ощущении Бога внутри, то здесь - о видении, о восприятии Еgo "извне". Если во II части поэмы Он - абсолютный Дух, то здесь Он - абсолютное Тело. Бог - Сущий (Негова): Он обладает всей полнотой бытия, в том числе, "полнотой бытия телесного" (Кол.2, 9). Телесность Бога - тайна, открывшаяся христианам в таинстве евхаристии. И насколько Дух Божий духовнее человеческого, настолько и Тело Его "телеснее", реальное нашей физической оболочки. В отношении к этой Реальности, скорее мы "духи", призраки, "резьба по облаку". Поражает проявившаяся здесь глубина и точность религиозной интуиции. Что это? Откровение или мистический "прокол" (трещинки, скорлупы)? Такие тайны "не по глазам" человеку. Такая мистическая зоркость в равной степени и поражает и пугает в поэте, конечно же еще далеком от смиренного приятия благовестия Христова.

Из откровения телесности Бога вытекает отрицание необходимости борьбы с плотью:

Что плоть бороть?

Но в это восклицание вкрашивается соблазнительная извымесленность. Ведь не случайно автор (скорее всего, бессознательно) вводит терминологическую либерализацию при определении телесности Бога и человека ("тело" - "плоть"). Плоть и надо бороть именно для того, чтобы утвердить Тело. Но, возможно, что здесь имеется в виду плоть уже преображеная или, точнее, преображенская. Огонь - Божественная энергия - должен проникнуть ее всю, сделать зрячей, "многосчитой плотью" из видения Йезекииля (Ез.10,12). Плоть - зародыш будущего Тела. Она обречена на преображение. Поэтому в ней нужно видеть не врага, а любимое дитя, и не истреблять ее, а "учить", "наказывать", "делать".

Но нельзя забывать о том, что уготованная к преображению плоть сама может обречь себя на перерождение, на погибель. Облик может стать Адиком, но может - и лицемкой. И этой возможности "новая тварь" открыта не в меньшей степени, чем первой.

17. Если в предыдущей части говорилось о Боге как телесной субстанции, то здесь - о качестве телесности Бога ("Море ртути живой"). В связи с этим, уместно вспомнить

слова ап.Павла: "Есть тело душевное, есть тело и духовное" (1 Кор.15,44). Тело Бога абсолютно отлично от всех тварных тел, поэтому мы никогда не воспринимаем его плотскими очами. И только когда плоть наша преобразится в тело, облаченное в созерцающий Бога глаз, т.е. полностью обратится в видение Бога, Он откроет нам свой истинный образ. В противном случае, даже пройдя все уровни нашего существа, обнажив нас "до дна", "как Чермное море", Он все равно останется незрим для нас.

У. Для познания Бога надо использовать все поступные человеку средства: не только духовное зрение, но и "духовный нюх", мистическое чутье, "сознание трансцендентного" ("проникновение сквозь грань вещей"). К это, может быть, главный способ богоопознания: "Ибо, кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего". /1Кор.2,11/.

Религиозная интуиция, проявленная автором в этой поэме, огромна, но, будучи скорее "мистической", чем благодатной, она подчас ведет к соскальзыванию к самому краю гиубии и сатанинских. Особенно остро это ощущается в У1, центральной, части поэмы.

У1. "Сияющие" вспышки синкретической (серебристо-демонической) реальности определяют то магически-пугающее действие, которое произволят этот фрагмент. Зловещие отзвы этих вспышек полыхают на всех окружающих его частях произведения. Здесь мы уже сталиваемся с "новой тварью" в ее полной реализации. В этой части поэмы действуют: Бог - Тварь - Сын - попытка синтеза новой троицы с Тварью в центре. Причем, все эти "испостаси", как бы пародируя Троицу богословия, не-раздельны и взаимозаменяемы. Сын и Отец постоянно вытесняют друг друга, меняются местами. Сын становится в какой-то момент Отцом Отца или, по крайней мере, Отцом Твари. Это Он побуждает Отца к творению:

Он проснулся в ночи
И увидел - Сын с сакирой в руках
Подъятой - глядит и молчит -
И всплеск тоски
Пространство
Бастог из груди.

Но Сын, в то же время, — изнутри Твари, ее метастава, скопо ищущая в "затварном" пространстве Бога, чтобы убить Его.

Кто построил Землю
Как дальний хутор,
Чтобы взрослого
Отделить Сына —
Знал затаскное Твари желание
Сладкое —
Бога убить.

Еменно в этом "метаставировании", перетекании Твари в Сына и открывается их сущность, нерасчленимость. Сын, по сути дела, — другое название Твари, ее эманация.

Таким образом, круг замыкается. Тварь становится инициатором собственного сотворения, в сущности, самим Творцом. Она полностью вымещает и замещает собой Творца. Только Тварь творчески свободна. Бог свободен лишь покончить с собой и то посредством Твари:

мир —
Это самоубийство Бога
Чужими руками.

Это — попытка богословского продолжения кирилловского бунта, попытка конструирования религии "новой твари" — Твари с большой буквы.

И троица, открывшаяся нам в этой теологической модели — конечно же, не христианская Троица. Христа тут нет ("Сын" — чисто случайное, инициативное соединение), Его подменяет собою Тварь. Равно как нет и Духа Божия, т.к. царствует "тварный дух". Эта троица — воплощение "превнегого ужаса", извечной смертельной вражды твари с Богом, еще более немилосердным и неведомым, чем Шетова. Мы сталкиваемся с попыткой полной ревизии христианского откровения, с попыткой из самых скрытых и темных глубин иудаистского мироощущения разить новый побег — титаническое дерево, способное своей короной заполнить все небо, вытеснить Божественное — тварным. Направление его роста обратно направлению роста христианского дерева. Оно растет как бы от вершин к корням, все более и более вкладываясь в почву, питавшую доидейские, языческо-оргиястические культуры. ~~единотесенное~~, что не позволяет ему

Идентичное, что не позволяет ему полностью погрузиться в почву - это любовь, заставившая его Твари к Богу. Любовь не дает Твари сбежаться с демоническим, удерживает ее на границе "бесовского тренета". Сказано, что бесы веруют, но нигде не сказано, что они любят Бога.

Эта "пограничность" особенно чувствуется в таких строках:

Его хочет зарезать святой
Е в крови себя растворить.
Кто выше подымет,
С опасным объятьем в плечах,
С ядом любви в очах?

Строфа полна антиномий. Тварь стремится не только к убийству, но и к спасению Бога. И неизвестно брошен ли "канат молчания" Богом гибнущей Твари или наоборот. Но Тварь, спасавшая Бога, - это, в то же время, Тварь, восставшая на Бога, находящаяся на переделе титанического расширения. В сущности, Бог уже не Бог, если Он нуждается в спасении Тварью. Тварь раскачивается на антиномическом коромысле между стремлением счасти и убить Бога. Любя Бога до полного самоотрицания, она, в то же время, не может вынести Его бытия, как абсолютно другого, чужеродного, и испытывает с творением потребность уничтожить Его.

"Увы! Эвоз! Увы!" - это и крик, выражавший острое сожаление о трагическом разрыве Бога и мира, и боевой клич, призывающий к титаническому бунту.

"Эвоз!" - вакхический возглас, выражение предельной дионаисской радости. Но радости разрушительной. С этим возгласом вакханки разрывали на куски не только быков, но и богов.

Но за возгласом "Эвоз!" в этом отрицании слышится еще более страшное стремление: убить не только Бога, но и дело Божее, отнять у Бога самую сокровенную суть Его божественности: право жертвовать собой ради творения, присвоив его себе. Чарующая кровь, проливаемая Тварью, соединяет ее Богу, соединяет ее равным Ему. Вот последнее слово тверной горлицы!

Здесь проявляется стремление к растворению мира, с тем, чтобы слова сформировать его, но уже по

законам Твари, а не Бога.

Практически, мы присутствуем при попытке создания новой религиозно-мифологической структуры, которую несколько рискованно можно назвать "тварным монотеизмом". Бог в ней настолько подчинен Твари, что Его непросту как самостоятельной сущности нет. Если Бог и создал Тварь (хотя, как мы знаем, она, по сути дела, сама создала себя), то не для того, чтобы иметь друга (другого), а, скорее, для того, чтобы иметь смертельного, непримиримого врага, для того, чтобы "руками" творения имелась собственного бытия. Бог стремится стать собственным антиподом, обрести качество "вечного небытия". Это не Всемогущий и Всеблагой иудео-христианский Бог, а бог несовершенный, напоминающий скваченного майей нашего бога боги или гностического демиурга.

Только поэтому Тварь и может сорасториться с богом в его крови, стать участницей его смерти и небытия, с тем, чтобы стать со-участницей, со-творцом его нового, а, точнее, творцом своего собственного единства иного бытия.

И. Таким образом, Единорог творит Бога из себя самого. Для него не существует Другой, не существует Ты. Он - абсолютное Я, чистая единица, не таящая в себе, в отличие от Еговы, потенции троического откровения. Служа Богу, он служит только самому себе, себе единству и идее. Жертвуя собой: "радостями, сладостями браха, розовостью, детскостью", мерожденными потомками - всей живетно-розовой сферой бытия, Единорог приносит эту жертву во имя свое. Поэтому он бесподобен не только телесно, но и духовно. Более того, гностическое противопоставление тела и духа приводит к тому, что бесплодность телесная порождает духовную бесплодность. Он не способен не только рождать, но и творить себе подобных. Он никогда не станет множеством, его тело не станет Телом, Церковью. В обожествленной твари нет напряженного внутреннего бытия, присущего Богу откровения, нет имманентной любви, определяющей постоянное творческое, личностное взаимодействие ипостасей христианской Троицы. Единорог - это глухой "тупик", стена, о которую разбиваются и на которой застывают кровавыми струйками мерожденные, точнее, несоторвенные души. Это - мертвая палитра, созданная оптическую иллюзию

закатного неба. Таким образом, "новое рождение" простой твари есть рождение не только к смерти Бога, но и к смерти творения. Рас - твор и в мир, Едиорог так и не смог со - твор ить его заново. Мир у него "протек сквозь пальцы" "меповоротным потоком" бушующей крови. Тварь, стремящаяся заместить собою Бога, способна только погубить, уничтожить творение, сотворить же ей ничего не чако. Недаром Христос говорил: "Без Меня не можете делать ничего". /Иоан. 15,5/.

Ж. Отторгнутая от живой, постоянной связи с Творцом, лишенная благодати тварь — лишь обрубок (а не образ) Бога, калека, незавершенное, ущербное бытие, уродец, конечности которого образовались из четырех пальцев обезображенной Большой руки. Она "живая", но в то же время постоянно мучительно умирдающая, переживающая беспрерывную агонию. Несомненно живой и полноценной остается только кровь, для которой она служит временным несовершенным сосудом. Первостихия крови, освобожденная буйущей тварью, затопила и сорасторила собою все; только вней однажды сохранилась жизнь. Кровь в этой поэме, выражаясь словами В.Розанова, "не вещество, а существо", несравненно большее бытие, чем заключающее ее в себе тело. Но стихия эта (независимо от выпустившей ее наружу твари) все же стремится вернуться к своему истоку, повернуть свое течение, стать не только разрушительной, но и творческой, ибо в ней есть качество, способное сделать ее материалом нового творения в руках Творца. Качество это — любовь. В сущности, кровь в поэме — синоним любви:

Морем собственной крови
Он захлебнется,
Любовь.

И здесь невольно возникает ассоциация с другим, не менее загадочным произведением того же автора — "Рождественские кровотолки". Прорвавшаяся наружу кровь, текущая энергией любви, разрушаю, противостоящую ей, мертвую, "костную" форму, остав, скелет, возвращается к источнику своего бытия:

...Хрупнут скорлупом все лица
и мы — ручейки и потоки —
сыздеем разливом весенним разлиться

и сливай! В крови любовь
а в кости отрицанье любви
(Разряда ^{мои} Е.П.)

Когда я наконец себя как кровь поиму,
бросшу белую тьму
и соленою пальмовой ветвью
наклонюсь ко Господу моему.

Если тварь, даже посягнувшая на Творца, вновь преклонится пред Ним, она обретет новое, может быть, даже высшее, сравнительно с прежним, бытие. Вспомним Иакова, боровшегося с Богом: "И остался Иаков один. И боролся Иаков с Ним, до появления зари; И увидел, что не одолевает его, коснулся состава бедер его, и посередине состава балра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня; ибо взошла зара. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь." (Быт. 32,24-28).

Но бунтующая, непокоряющаяся Творцу стихия, даже если Он ее источник, способна только к разрушению и, в конечном счете, к самоуничтожению. Так было с Леницей, самим светлым из Ангелов, "сыном зари" (Ис.14,12).

IX. Если даже кровь, прорвавшая телесную оболочку, покинувшая место, определенное для нее Творцем, может из животворящей силы превратиться в губительную, тем более странное и жалкое зрелище представляет собой покинутое кровью тело. Оно – заброшенный, мертвый храм, костяной каркас, затянутый "жалком святых науков", невидимо реющий дух, отходящий в столь же невидимое Божественное бытие. И только трещина, образовавшая знак креста на темени, напоминает, что тело и даже сам мертвый костяной остов – также же Божие творение, такая же реальность, как и протекавшие когда-то через него живительные потоки крови.

Но в поэме только кровь, бывающая об остатов, – истинное, безграничное море бытия. Кровь выступает как единственное начало, сплавляющее Бога и человека, субстанция, текущая в них обоих. "По рекам крови своей" – то же, что по рекам крови Божией. Чрез Творца и тварь течет одна жизнь, одна кровь.

В сущности, в этой поэме, подлинный Бог - это кровь, царящая над творцом и над тварью и создающая возможность равенства того и другой.

Но ведь это - почти откровение о искупавшей человека от "суетной жизни" "драгоценной Крови Иисуса Христа". Но откровение с переменной знака, с радикальной перестановкой акцента.

Становится страшно за автора, которому такие "беседы премудрости" открываются не по благодати, а по наименее своеобразного знания.

X. В заключительной части кровь окончательно обнаруживает себя, как главный элемент структуры поэмы. Кровь, проливаемая - как единым существом - Богом и человеком, находят предел своему течению в желчи, подносимой в чаше к устам избраника, как губка к устам распятого Христа. Кровь - стихия любви, желчь - страдание и смерть. Желчь - уничтожение, перерождение крови, жизни. Но в то же время - желчь Божия, чаша, которую Бог разделяет с человеком. А значит, вкусивший ее из рук Божиих, воссвягает Ему, станет причастником не только Его смерти, но и жизни.

Так, совершив гигантскую "петлю", поток крови в конце поэмы вновь выносит, повлеканную в него тварь навстречу Творцу. И несмотря на всю соблазнительность, подчас даже кощунственность этого зловещего и странного произведения, есть достаточные основания надеяться на то, что встреча состоится.

Из сопоставления с "Простыми стихами" нетрудно заметить, что духовное развитие поэта идет по пути все большего отдаления от христианского идеала благоговейного преклонения перед Богом. Но уход Сына не в состоянии изменить природу Отца. Он по-прежнему стоит на пороге и идет, как идет он великую тварь. Пути, которыми мы приходим в дом Отчий, - в руках Отца. И никто из любящих Его не выйдет из рукки Его.

В чем мы никак не можем отказать автору - так это в бесконечной, пусть не всегда прямо, пусть порой соблазнительно выражавшейся любви к Богу. Мы все знаем, что иногда, при очень большой степени напряженности, любовь может принять формы внешне абсолютно противородные ее внутреннему содержанию: формы враждебности.. и даже покушения на жизнь

любимого. Я не приветствую подобные проявления любви. Я только хочу напомнить, что они возможны и что иногда они гораздо ценнее, в том числе и в глазах любимого, чем видное, привычное подчинение ему. Титанизм — лишь временный уход великой твари от своего безмерно более великого Творца. И преображение титаническое есть лишь ступень к следующему, последнему преображению.

"Чтобы удовлетворить свою алчбу беспредельной Реальности, надо человеку в беспредельном расширении своей титанической основы и преодолении своим напором всякой грани, всякой нормы, всякого смысла дойти, наконец, до Смысла Абсолютного, Смысла всех смыслов, до Лика всех лиц, до самой основы смысла как такового. И насытившись, присно насыщаясь своей победой, посягнуть и на Него..., чтобы убедиться, что Верховный смысл и есть сама Мощь, В е р х о в н а я М о щь, — то есть то, во имя чего, по правде чего человек наспроверг смыслы. Дойдя же в своем расширении до такого символа, который, доставив ему удовлетворение абсолютной победы, вместе с тем, оказывается и абсолютным поражением, — ибо правда Земли в своей вершине не иная, чем правда Неба, но та самая Правда, — человек, насытив аффект своего титанического "гнева", осветляется, умирает."

О. Павел Скоренский

О ТОМ, КТО РЯДОМ.
/Из записок Единорога/

I

Тонкий мир тлен,
Бетхость похорон
Обельзели меня.
/Но зачем же тряпкой укрылся Он?/
Небосклон,
Нелена, плева
Застыли взор —
Что котенку недельному.
Проклинаю радости, сладости браха,
Розовость, детскость,
Не буду сирвать теперь —
Я чук, я вину —
Я — зверь.
Он лежит — что корова,
Что белый египетский бык,
Только морщинки не може видеть я,
Слытал дельний мык.
Он лежит коровой,
Затопленной в своем молоке
Кипящем.
Голубую мягкую грязь
Соскрабая с глаз,
Нелена упала — боль и звон,
Смотрят на меня в упор
Я и Он.
Не хочу быть сметью, снимотью, смертью.
Буду живым молоком,
Буду быком.

2

Играл в прятки в лихорадке —
Да где же, где же я?
Ни в зеркалах, ни в глазах чумих,
Ни в слезах, ни в словах своих.

Бдруг услыхал - гляди:
Током излитое яйцо,
В нем замкнуто твое лицо
И оно крется в груди.

3

Рукой думы Его коснулась
Случайно
И сразу жизнь споткнулась.
Также -
Что Он - телеснее нас всех - Господь,
А мы - разъба по облаку.
Что плоть бороть?
Ко огнем всю надо испекать
И видеть научить и понимать
И всю глазами светлыми усевать,
И как дитя,
Чей облик обречен,
Учить ее, наказывать, наклеять.

4

Его тело из ртути
Из моря ртути живой,
Серебра переливного, хрущего.
Если даже тебя Он разрежет
И как Черное море пройдет,
Ты Его не увидишь - пока
Не облачнися
В облегающий тело разъ,
В чечевичу слизину.

5

По запаху смыу Его,
По проблеску изумной крови,
Сиянию костей.
По запаху смыу.
Нос отреду Клиновога,
Проныхнувшись через грязь земли.
Узнайте же -

Что звалах Бога
Нохож из крепких звалах тока.

6

Тот — кто пространство исторг
Из волны разъяренной тоски
Из горла,
из огненной глотки, из мысли,
Кто выблевал время,
Кто построил Землю
Из дальний хутор,
Чтобы взрослого
Отделить Сына —
Знал звучное Твери желанье
Следкое —
Бога убить.

Увы! Звоэ! Увы!

Его хочет заразить святой
И в крови себя растворить.
Кто выше подпрыгнет,
С овесным объятьем в плечах,
С яdom любви в очах?

Увы! Звоэ! Увы!

Он проснулся в ночи
И увидел — Сын с секирой в руках
Подъятой — глядит и молчит —
И волна тоски
Пространство
исторг из груди.

Увы! Звоэ! Увы!

Я — глава Его миллионный
И легкий огнь в груди воспленной —
Пламень мгновенный, спиртной —
Вспыхнет, погаснет опять.
Ах, по канату молитви
Мой через зевезть.
Волна увесням

Время из горла исторг,
Хлынул скорби поток
Невоворотный красный.

Увы! Звезд! Увы!

7

Нечему створожиться —
нету молока в груди
И живот не взбухал прибойным морем,
Не шумел внутри детей-внуков песок,
Лесавтом
Не выбрасывались
Из раздевшегося чрева
Потомки.
Я — роде туник,
Бетке без цветов
На закате.
Предки проносятся отвей пчел,
Ищут дупла другие
Для неродивших.

8

На Землю
Пад человек
Четырехпальмой
Отрубленной рукю бога,
Отрубленной, но живой —
Где было некогда злость,
Где боль была
И кровь лилась —
Зарубцевалось,
Округлилось,
Глаза пробились,
Жи завелся.
Русиногий свет.
Засмоленная жизнь.
Запечатанная кровь.

9

Море стучит
 О разрушенный храм,
 Десять колонн костяных
 Азлко белают,
 Итице кричит,
 Слит скорпион.
 В цепику святых науков
 Слепая
 Коробка для мыслей
 Новисла -
 Забыла, забыла
 Ремесла и число
 И трещина тема
 Бенчает крестом.
 Не вящимого Бога
 Неотличимый жрец
 В воздухе
 Тает.
 О какое родное! Как это знакомо давно мне!
 Это видела я - в лодке
 Когда плыла
 По рекам крови своей
 Петлястым закутым темным.

10

Мир -
 Это самоубийство Бога
 Чужими руками.
 Морем собственной крови
 Он захлебнется,
 Любовью.
 Это - царское право -
 Людям извек не дано -
 Только тем,
 Кому Он подносит
 Чашу желчи своей.